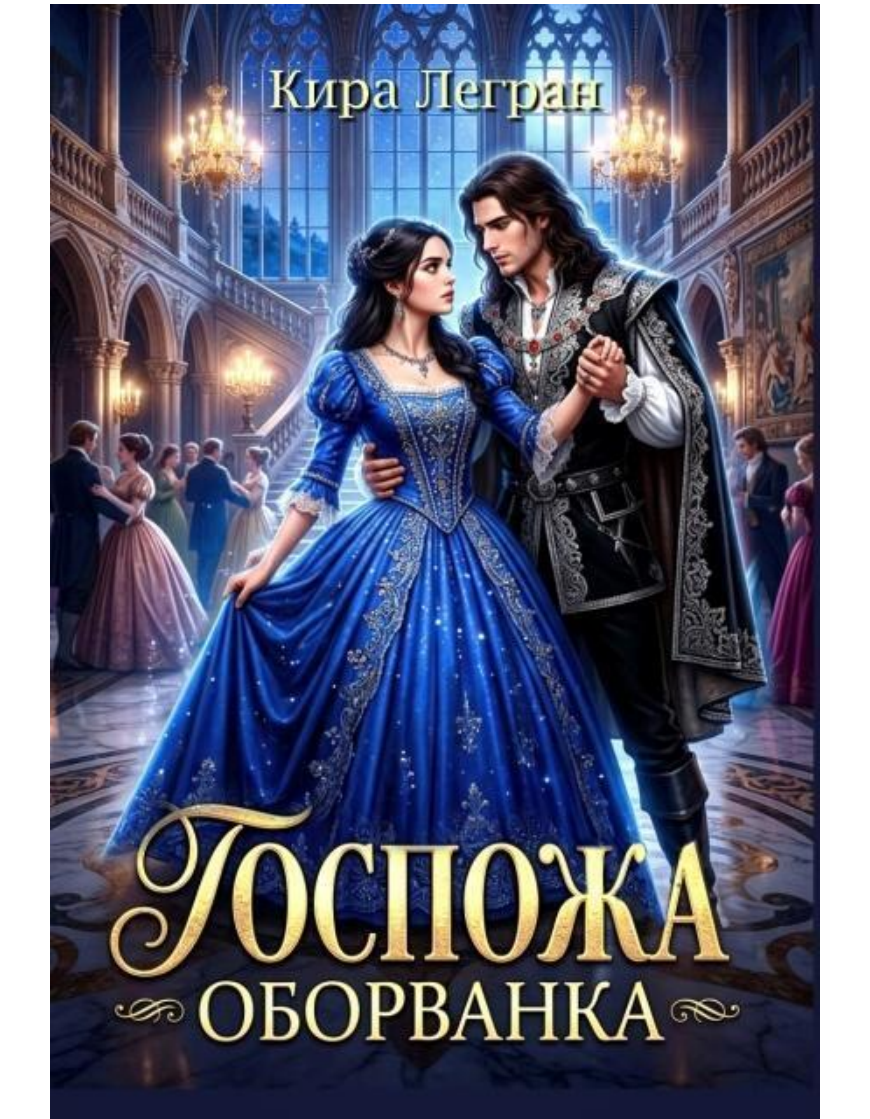

Кира Легран

ГОСПОЖА
ОБОРВАНКА

Кира Легран

Госпожа оборванка

<https://litres.ru/74212037>

Аннотация

Тея родилась без надежды на лучшее, но ей выпал невероятный шанс — попасть в число тех, из кого наследник престола выбирает супругу. Эта удача отравлена горечью, ведь несколько лет назад во время такого отбора пропала её родная сестра. Да и сам дворец оказывается прекрасен лишь снаружи, а принц, за которого идёт борьба, известен своим дурным характером. Отбор проверит на прочность и покажет истинное лицо каждого во дворце. В тексте есть:— соперничество и интриги;— притворство и настоящие чувства;— позолоченные тайны и скелеты в дубовых шкафах. Однотомник, счастливый конец.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	64
Глава 11	74
Глава 12	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1

Тея родилась без надежды на лучшее, но ей выпал невероятный шанс — попасть в число тех, из кого наследник престола выбирает супругу. Эта удача отравлена горечью, ведь несколько лет назад во время такого отбора пропала её родная сестра. Да и сам дворец оказывается прекрасен лишь снаружи, а принц, за которого идёт борьба, известен своим дурным характером. Отбор проверит на прочность и покажет истинное лицо каждого.

Однотомник, счастливый конец.

Глава 1

Уж такова жизнь, что если ты из низшего сословия, то работать приходится с ранних лет. Никто и не думывал об иной доле, появившись на свет в грязном квартале между причалом и мастерскими ткачей. Не думала и я, в утро семнадцатилетия заступая на службу.

Форменное платье даже не было новым, ухватила его у одной из знакомых. Я оправила манжеты суетливым жестом, разгладила юбку, такую же серую, как утреннее небо, и вошла в комнату. Руки слегка дрожали. Столько хрусталя здесь, что повернуться страшно, на каждом столе блестит по безделушке.

В голове назойливо зудели слова матери: не грубить, не

язвить. Смотреть в пол, если говоришь с хозяевами. Никакой Теи Блаунт не существует, пока ты прислуживаешь. Забудь своё имя, свои желания и выполняй указания так, чтобы комар носа не подточил.

Проще не дышать.

Сегодня я стала совершеннолетней. И сегодня же получила место горничной в доме Бизе. Не бог весть что, но лучше, чем всю жизнь горбатиться прачкой. Ещё на рассвете я получила указания от экономки и планировала начать уборку с гостиной. Мести пыль, натирать серебро, помогать в кухне — и так весь день, пока солнце не спрячется за гаванью. Надеюсь, что в такую рань господа ещё храпят в подушки.

Едва я переступила порог гостиной, как надежды эти пошли прахом. В кресле у разгорающегося камина сидел престарелый господин Бизе, хозяин дома и нас всех. Зелёный бархат халата переливался, делая его похожим на дряхлую змею, что вот-вот сбросит кожу в последний раз. Лысина его так сверкала, что я засмотрелась с открытым ртом. Неужто он её натирал?

— Доброе утро, милочка, — сказал он и причмокнул. — Что-то я твоего личика раньше здесь не видел. А жаль...

От липкого взгляда, которым хозяин оглядел меня с ног до головы, немедленно захотелось помыться. Эти старикашки, что лезут к девчонкам, самое последнее дело. Уже и портки сами надеть не могут, а всё туда же.

На языке у меня вертелось много всякого, но я его прику-

сила. Будешь честной — нигде надолго не удержишься.

— Доброе утро, господин. Я работаю первый день. — Вспомнив, что прислуге положено кланяться, я согнула шею. Движение вышло неуклюжим, словно курица клюнула.

— Здесь достаточно чисто, — возразил господин Бизе. Голос его скрипел, как несмазанная телега. — Присядь-ка лучше, поговори со мной. Я ведь должен удостовериться, что взял в дом покладистую и благодарную девицу, с которой не будет проблем.

Он похлопал себя по колену, намекая, что садиться нужно вовсе не в кресло.

Кровь бросилась к лицу. Ах ты козлина старая!.. Благодарность теперь измеряется тем, как глубоко ты сможешь сунуть руки под юбку?

Я всё ещё пыталась сдерживаться. Мать и сестра всегда ругали меня, называли вспыльчивой. Говорили, что нужно смирять норов, если хочу в люди выбиться.

— Нет, господин, не могу, — ответила я ровным тоном, пока в голове честила его на все корки. — Я должна продолжить работу, прошу простить. Эмmeliна дала чёткие указания...

Он прервал меня резким жестом, словно брехливую псину.

— Довольно глупостей. Экономка здесь такая же прислуга, как и ты. Мои приказы, очевидно, стоят выше любых её распоряжений. — Он прикрыл бледные глаза и заулыбался,

слащаво до тошноты: — А я приказываю, чтобы ты перестала изображать невинную овечку и порадовала меня как следует.

Дед с неожиданной прытью выбрался из кресла и направился ко мне. Вблизи от него воняло табаком и кислым потом. Рука с пухлыми синими венами потрогала мою косу.

— Какие у тебя волосики... Как чёрный шёлк, что я возил с юга. Не носи их так, распусти по плечам, мне такое по нраву. И глазки тёмные, что твои агаты, всё сверкают. — Он взял меня за подбородок и повертел из стороны в сторону, рассматривая. — Если хорошенько постараться, может, к уборке больше и не вернёшься. Грешно такие нежные ручки занимать швабрами и тряпками.

Все материны наставления со свистом вылетели из головы. Я затряслась от гнева и омерзения. Горло будто рукой сжало, слова еле протиснулись:

— Отойдите от меня немедленно или пожалеете!

Кажется, он даже не услышал, захваченный похотью. Сухие ладони скользнули по моим бёдрам, стягивая юбку наверх. И тут уже я не думала, тело среагировало само.

Бац! Мокрый звук, будто шматок мяса кинули на прилавок.

Господин Бизе с диким воплем схватился за лицо.

— Ах ты паршивка! — Он держался за глаз и выл на одной ноте, приплясывая на месте.

— Ничего я не паршивка! Это вы тут руки распускаете,

вы и есть паршивец самый настоящий! — затараторила я, выпуская всё разом.

— Ещё и пререкаться смеешь?! Пшла вон отсюда! — заорал хозяин, синяя от ярости. — Чтоб духу твоего тут не было сию секунду! Неблагодарная девка! Из какой подворотни ты вылезла? Ах, как же больно... — Он снова прижал глаз и зашипел. — Ты ещё пожалеешь о своём поведении, поняла меня, тварь? Никакой работы ты в этом городе больше не найдёшь, уж я позабочусь!..

Он вцепился в серебряный колокольчик и неистово затряс им, словно созывал на пожар:

— Эрик! Джеймс! Живо сюда, бездельники! Вышвырните эту тварь отсюда!

Я попятилась к двери.

— Сама выход найду.

И поспешила удрать, пока слуги не поднялись из своей комнатухи в подвале. Полыхая от злости, я на прощание пнула вазон у парадного входа. Тяжёлая чаша вдруг покачнулась и с грохотом разлетелась на осколки. Масса земли рассыпалась по ступеням, запахло сыростью. Путь назад был отрезан. Теперь не получится остыть и умолять о прощении. Да я бы и не стала.

Лучше пить воду из лужи и есть картофельные очистки, чем прислуживать таким уродам. Я плюнула на крыльцо и устремилась прочь.

Идти домой ужасно не хотелось. Может я и поступила правильно, но мать за такое не похвалит. Деньги нужны — дрова уже выходят, а ночи всё холоднее становятся. Хорошо быть гордой, когда досыта ешь каждый день. Когда счета не требуют оплаты, и подошва от ботинок не отваливается. Бедность рано или поздно заставляет убрать гордость в самый дальний ящик. Когда я была молодой и глупой, то думала, что для нас этот момент наступит ещё не скоро.

По пути я завернула в лавочный ряд, забрать у аптекаря лекарство для матери. Из соседней лавки как раз выходила знакомая мясничиха. При виде меня она оживилась и спросила с тем сортом насмешки, что умеют только торговки:

— Ну чего, Тейка, сеструха твоя не объявилась?

Упоминание о сестре неприятно кольнуло. Два года назад Уна попала в серебряную сотню, вот радости дома было!.. Попасть в список, из которого выберут супругу наследному принцу — это вам не хвост собачий! Всё смеялись, представляя, как она будет расхаживать в шелках и брильянтах, и горничными помыкать. Ах, принесите мне шоколаду! Ах, взбейте перину! И непременно падать в обморок при виде мышки.

Много воды с тех пор утекло. В следующий тур отбора Уна не прошла, и с тех пор от неё не было ни слуху, ни духу. Как растворилась. Да и принц Гаррет успел сыграть в ящик, подхватив неведомую болезнь.

На королевских-то сыночков плевать. Пусть хоть все ра-

зом передохнут — не расстроюсь. А вот с потерей сестры по сей день не могла смириться. Иной раз среди ночи просыпалась и слушала, не скрипнет ли ступенька на лестнице. После смерти отца мать почти не вылезала с работы, так что Уна тащила на себе и меня, и дом. Оставшись без неё, я будто потерялась. Тыкалась, как щенок, которого у мамки отобрали.

— А чегой-то с ней стряслось? — сунула нос любопытная товарка из соседней лавки, подошедшая сосисок прикупить. — Помню, всё мелькала тут, хвостом перед аптекарем крутила.

Мясничиха зубами блеснула, довольная, что посплетничать можно:

— Раскушала столичную жизнь, да сбежала. Знаешь, как оно бывает... — Она со знанием дела пояснила: — Девка молодая, видная. А там во дворцах этих кошельки на ножках так и бегают, сами в руки идут. Куда там нашему аптекарю!

Я уставилась ей в лицо. Сплетницы вонючие. Уна меня бы не бросила, хоть кошелёк там на ножках, хоть барон с замком. С ней точно что-то случилось, иначе бы хоть письмо написала. Хоть записочку. Слушать эту чушь уже сил никаких нет. Всякий пытается делать вид, будто всё на свете понял и всё на свете знает, а сами хвоста от рыла не отличат.

— Да что вы несёте? — спросила я, едва не топнув, как ребёнок. — Не знаете ничего, а болтаете. Про вас тоже сочинить можно и по всем углам шептаться — неужели понравится? Лучше бы своей жизнью занимались, а не языками

чесали.

— Фу-ты ну-ты! — Тётка насмешливо подбоченилась. — Обиделась, что ли? Смотрите, какие мы нежные. Взяла бы, да следом за ней дёрнулась. Чего тут куковать-то? Глядишь, и тебя какой толстосум приметит...

От этих слов затошнило. Я развернулась и ушла, жалея, что не могу собрать всё сказанное и запихнуть гадкой тётке обратно в рот. Небось, не понравилось бы на вкус. Злость во мне клокотала и вертелась, как клубок бешеных лис. Они тявкали и хватали друг другу хвосты.

Я кралась на цыпочках, но половица всё равно скрипнула. В нашей дешёвой квартирке под самым чердаком скрипело всё, что могло. А что не могло — в том появлялись щели, в которых свистел сквозняк.

Из соседней комнатухи выглянула мать. Молоко по сравнению с ней показалось бы бледным. Волосы на лбу слиплись от пота, под глазами чернели круги. Даже для простуженной она выглядела неважно. В руке трепетал лист плотной бумаги, откуда взяла только? Небось, расписка какая... Ладно, нет смысла оттягивать неизбежное, всё равно узнает. Я быстро заговорила, не давая ей времени опомниться:

— Меня выгнали. Но ты не переживай, я быстро найду...
Совсем не слушая, мать резко сунула листок мне под нос. Я отпрянула.

— Что это?! Что это такое, я тебя спрашиваю?! — Вид у неё был почти безумный. Тряслась шея, губы прыгали, и глаза страшные, с чёрными провалами зрачков.

Я присмотрелась, с трудом разбирая прыгающие строчки. Грамота легко мне далась, но когда ж то было, за пяток лет уже подвыветрилась. Пришлось перечитать несколько раз, прежде, чем слова обрели смысл.

— Что за?..

На тонкой гербовой бумаге блестели чернила. Один такой листок я однажды держала в руках. Сперва его хранили, как величайшую ценность, а потом бросили в камин, когда стало ясно, что дочь не вернётся.

Мисс Тея Блаунт. Рады сообщить, что вы включены в серебряную сотню в рамках квоты на ваше сословие (индекс:5). Претендентка обязана прибыть в Рубиновый дворец до 17-го числа сего месяца. Опоздание или неявка приравняются к отказу от участия. Желаем удачи. Во избежание недоразумений, сохраняйте это приглашение до момента регистрации во дворце. С уважением, комитет торжественных служб.

 Друзья, время окунуться в новое приключение! Книге очень нужна ваша поддержка, не забывайте ставить звёзды, если вам нравится. Это не какой-то символический жест, так вы помогаете автору.

Глава 2

На дорогу до Белáндера ушли все сбережения, что я с таким трудом сумела скопить за пару лет, откладывая с поденной работы и продавая сворованные на лотках вещицы. Мать даже слышать не хотела о поездке, но не в её силах удержать меня в четырёх стенах. Я больше не ребёнок, которого можно запереть в комнате, если тот не слушается.

От почтовой станции до самого дворца пришлось идти пешком. Столица была больше и шумела громче, но улицы, по которым я шла, мало отличались от знакомых. Отмытые от грязи ботинки снова запылились, подол испачкался, а волосы растрепал блуждающий меж домов ветер. Не удивительно, что превратник состроил козью морду и преградил дорогу, едва я подошла к узорной решётке ворот.

— Не положено! — гаркнул он во весь дух.

Злясь на этого дуболома, я выудила конверт с приглашением и ткнула ему под нос:

— Да как не положено, если меня пригласили?! Вот же, смотрите, моё имя написано!

Привратник с мученическим вздохом пробежал глазами по строчкам. Уважительности от прочитанного у него не прибавилось.

— Пятое сословие, тц... Не удивительно тогда.

Кажется, он просто издевался надо мной, наслаждаясь

мгновением власти над другим человеком. Этот знакомый с детства взгляд. Словно липучка для мух, собирающая все мои недостатки.

Пока мы препирались, к воротам подкатила богатая коляска, запряжённая двойкой гнедых. Дверца открылась. Опираясь на руку кучера, на землю ступила богато одетая барышня. Невесомый запах сирени разлился в воздухе, хотя всё уже давно отцвело. Я принялась, очарованная тем, что человек может источать аромат целого сада.

— Ах, что у вас случилось? — спросило неземное создание, выпорхнув из экипажа.

Это была девушка, кажется, немного постарше меня. Хрупкого сложения, с уложенными на маленькой головке белокурыми волосами, она напоминала птичку.

— Добро пожаловать, леди Эдельбри. Всё в порядке, можете проходить.

Я прыснула от того, как быстро этот чурбан перестал задирать нос. Теперь он выглядел очень смирно, даже покраснел немного. Пойманная с поличным собака, которая секунду назад жевала сапог.

Внимание леди Эдельбри мигом перешло на меня.

— О! Неужели вы тоже на отбор? Как здорово! — Она едва не захлопала в ладоши, словно ничего лучше с ней и произойти не могло. — Всегда приятно увидеть новое лицо. В салонах все друг другу уже примелькались, честное слово.

Сомнения в моей голове толкались боками. Искренне говорит эта леди или пытается разыграть жестокую шутку? Сейчас поверю, а та посмеётся. Но она выглядит такой бесхитростной, что подозревать её в чём-то кажется подлостью. Как будто всё, что приходит в эту белокурую головку, сразу звучит вслух.

Это не вязалось со всем тем, что я слышала о знатных дамах. Они только и могут, что прятаться за веерами, жеманничать и хихикать — разве нет? Все знают.

— Нас некому представить друг другу, — озабоченно сказала леди Эдельбри. — Ах, что же делать?..

Она заметно растерялась. Привратник уж точно не годился на роль «кого-то», что прекрасно осознавал и помалкивал. Тонкие брови леди сложились домиком. С моей точки зрения, никакой проблемы не было. Но знати слишком легко жилось, вот и придумали себе тысячу дурацких правил. Чтоб жизнь мёдом не казалась. С человеком из другого сословия им даже познакомиться нельзя было вот так запросто.

Глядя на её страдания, я вдруг вспомнила, как мы с Уной в детстве мечтали о принцах. Вот они увидят нас на ярмарке, влюбятся и заберут во дворец. Кривая ухмылка перечеркнула моё лицо. Чёрта с два. Настоящий принц даже имени твоего узнать не сможет.

Эта леди Эдельбри довольно мила. И не смотрит на меня, как на червя в яблоке. Но стоит ли доверять дружелюбию, если мы все приехали соперничать? Всё ещё сомневаясь, я

решила подыграть ей, но с оглядкой.

— Нас некому представить, это да... Но ведь и увидеть нарушение этикета тоже некому. Если только этот молодой человек нас не сдаст, — я послала болвану-привратнику ядовитую улыбку.

— Ах, нет! Джендри, вы же сохраните наш маленький секрет?

— Всенепременно, леди Эдельбри. Мои уши глухи, а глаза слепы.

Это было интересно. Раз она знает его имя, значит, частенько тут бывает.

Додумать мне не дали. Тонкая ручка барышни цапнула меня под локоть. Пальчики в белых перчатках были такими тонкими, что страшно сломать их лишним движением. Облако цветочного аромата окутало со всех сторон.

— Идёмте же! Давайте станем добрыми подругами? Ах, только не отказывайтесь! Я бываю немного болтлива, но постараюсь сдерживаться. Только ради вас, дорогая.

Слегка сбитая с толку такой решимостью, я позволила увести себя по дорожке.

Глава 3

Великолепие обстановки слепило глаза. Никогда в жизни я не видела такой роскоши и даже не знала, что она существует. Лучшим местом, где мне довелось побывать, был дом проклятого Бизе, но рядом с дворцом он был жалкой лачугой.

Пол в мраморных разводах устилали тёмно-красные, как пролитая кровь, дорожки. Новые, без единой прорехи — наступить страшно. Свет лился из огромных окон, играл тысячами бликов на хрустальных капельках люстр. Я невольно сжалась, проходя под одной из них. Казалось, что если ей и суждено рухнуть, то уж верно мне на голову.

От высоты стройных колонн кружилась голова. Я проследила их взглядом — даже верх украшали настоящие росписи. В одном из магазинов по пути сюда на витринах выставили миниатюры: крошечные, с ладонь, картинки с цветочными этюдами и рисованными головками. Но здесь художества покрывали весь потолок. От стены до стены, каждую арку, каждый купол. И краски такие яркие, что не всякий цветок может соперничать.

Здесь даже пахло по-своему. Muskом и жасмином духов придворных. Лавандовой водой из крошечных фонтанов, весело журчавших среди залов. Мастикой для натирки полов. Охапками пионов и роз, на каждом шагу украшающих вазы

из тонкостенного фарфора.

Пройдя дальше, я уловила запах свежего хлеба — и тут же потеряла. То был призрак, донесённый из дворцовой кухни.

На глаза навернулись слёзы.

Здесь было так волшебно, что сердце в груди колотилось о рёбра, желая выскочить и остаться навсегда среди этой красоты. Но восхищение было отравлено ядом воспоминаний.

Я смотрела на хрусталь и золото, а видела наш бедный квартал. Дома из серого камня, в крышах которых больше дырок, чем в ином сыре. Выживание ценой каждодневного труда. Соседские дети и старики, для которых обычным делом было перебиваться тухлыми обрезками из мясной лавки.

Кто-нибудь в королевской семье хоть раз в жизни мучался бессонницей от голода в пустом брюхе? Стирал руки в кровь за подённой работой? У моей матери они были жёсткими, как дубовая кора. Кто-нибудь в этом дворце плакал от того, что ребёнок сгорает от лихорадки, а денег на лекаря для него не осталось, потому что трём другим нужен хлеб?

Мои кулаки сжимались сами собой. Не справедливо. Они не выбирали, кем родиться, но ведь и я тоже. Так почему же нам достались настолько разные доли?

Леди Эдельбри, извинившись, оставила меня, пообещав найти позже. Не верила я ей ни на грош, разумеется — наверное, сообразила, как ужасно ошиблась. Шурша платьем

ми, новоприбывшие девушки подходили к столам регистраторов, эхо их голосов и шагов играло под сводами холла. Сотня девиц от 17-ти до 23-х лет явилась сегодня во дворец. Большинство — знатного рода, при деньгах и с хорошими манерами. Даже если им не хватит ума или характера, герб и звучное имя покроют эти изъяны.

Они затягивали талии в корсеты, пудрили щёки и прятали нежные руки от солнца. Смеялись, точно серебристые колокольчики. Их волосы блестели в ярком дневном свете почти так же, как драгоценные камни на заколках и гребнях.

Как с ними соперничать?

В свои шансы на победу я не верила. Немного горько от этого, но я всегда мыслила трезво. Не летать утке с лебедями. И вместо того, чтобы тратить время на кокетство и козни, лучше разузнать хоть что-то об Уне.

А если повезёт — ещё и поесть. Буду потом хвастаться перед нашими, как ела одни блюда с королевой.

— О боже!

От чужого вскрика я едва не подпрыгнула. Мужчина, что вскочил из-за стола регистрации, живо оказался подле меня. Он так спешил, что часы выскользнули из кармана и теперь качались на длинной цепочке, как маятник.

— Мисс, вас ограбили в дороге? Я немедленно сообщу нач...

— Что?.. П-подождите...

Я схватила его за рукав. Мелькнула и пропала мысль, что

можно было бы попользоваться суматохой. Чушь это всё, в моём приглашении ведь обозначено сословие. Кто поверит, что у беднячки из прислуги украли роскошное платье и пачку ассигнаций? Видя, что распорядитель уже не собирается сломя голову бежать за помощью, я набычилась:

— Всё в порядке, меня никто не грабил.

Он оглядывал меня с таким громким недоумением, что заметить его должны были все в зале. А может и кто на улице.

— Гм... Позвольте, но ваш облик...

— Так и было задумано.

Глядя на мою угрюмую физиономию, распорядитель закашлялся.

— Конечно. Разумеется.

Он вернулся на своё место за столом, я последовала за ним. Приглашение, мельком просмотренное, отправилось в стопку таких же.

— Прошу простить мою неучтивость, мисс Блаунт, — сказал мужчина, раскрывая толстый разлинованный журнал. — Присаживайтесь, мне нужно внести ваше имя в учётную книгу.

Тон его, прежде взволнованный и сердечный, разом утратил все краски. Даже грустно от того, как быстро он перестал видеть во мне человека.

— Вы впервые участвуете в отборе?

— Да, мне только на днях исполнилось семнадцать.

Вопрос натолкнул меня на догадку. Если участвовать

можно по несколько раз, есть шанс встретить кого-то, кто был с Уной на отборе.

— В таком случае, позвольте провести небольшой инструктаж. Сегодняшний вечер есть возможность проявить себя с лучшей стороны. Каждая претендентка будет гостьей на торжественном приёме. По итогам его, жюри выберет двенадцать наиболее подходящих девушек. Так называемую «золотую дюжину». — Он со значением посмотрел на меня, словно собирался отбирать их самолично. — Каждое сословие имеет квоту, соответствующую его значимости для общества. Четыре места выделены аристократии, три — представительницам военной и банковской элиты. Два места уходят сфере науки и искусства, ещё два — прикладным ремёслам и торговле.

Чем больше он перечислял, тем сильнее вытягивалось моё лицо. Пока что всё мимо.

— Последнее место уготовано для сословия прислуги, — сказал он таким скучным тоном, что захотелось зевнуть.

Я повертела головой по сторонам. Сперва казалось, что здесь каждая вторая — принцесса, но теперь я заметила несколько девушек в недорогих шляпках. Впрочем, у них хотя бы это было.

— Позвольте спросить, мистер Кэдби... Была ли в истории хоть одна королева не из знатной семьи?

— Насколько я знаю, нет, — вежливо ответил он, крутя в пальцах чернильную ручку.

— Тогда к чему это всё, если заранее известно, кто победит?

Распорядитель никак не отреагировал на провокацию. Только улыбнулся безмятежно:

— Хотите отказаться от участия?

— Ни в коем случае. Вы сказали про жюри, которое отбирает золотую дюжину... — протянула я, раздумывая. — А в него кто входит? Тоже аристократы?

— Увы, я не могу раскрывать такие детали. Личности членов жюри и его голосование есть тайна, ведь нельзя допустить, чтобы на членов жюри оказывалось давление. Всё сделано ради справедливости. Честный отбор, в котором шансы равны, и претендентка из любого сословия может одержать победу.

Кажется, в глубине души мистер Кэдби искренне веселился. Мне захотелось как следует дёрнуть его за нос, аж руки зачесались. Он же, не подозревая о моих желаниях, указал в сторону широкого коридора:

— Если у вас больше нет вопросов, можете скоротать время до вечера в чайной комнате, библиотеке или саду.

Хоть не запирают в одной комнате, уже неплохо. Я выбрала чайную комнату, чтобы хотя бы узнать, что это такое. И это решение имело свои последствия.

Глава 4

Так неловко ходить по начищенному паркету и мягким коврам в грязной обуви. Я всё ждала, что сейчас кто-нибудь заметит и отчитает за это безобразие. Вместе с тем, разбирало любопытство: как на меня отреагируют другие участницы?

Несколько девушек облюбовало низкий диванчик, другие устроились в креслах. Одна заняла место у стоявшего в углу фортепиано, наигрывая лёгкий мотив. Когда я вошла в комнату, никто даже головы не повернул. Зря боялась, что они все разом накинутся. Всё-таки леди, а не зверьё какое.

Одна из девушек, чьи роскошные каштановые кудри были пышно взбиты и собраны в замысловатую причёску, вдруг привлекла всеобщее внимание:

— Где же наш чай? Должно быть, он будет такой свежий, что листья для него ещё не созрели.

Сидевшие рядом с ней девушки захихикали, кто в открытую, кто прикрывая рот платочком. Я тоже улыбалась, пока не осознала, что вопрос был задан мне. Улыбка мигом сбегала с лица.

— Вы обознались, леди. Я не горничная, — сказала я, чувствуя себя ужасно неотёсанной. Здесь все были в перчатках, даже та, что за пианино. Коротеньких, белоснежных и укра-

шенных кружевами перчатках. Такая блажь. Но почему-то очень хочется хоть разок примерить.

Девушка скривила полные губы в неприятной усмешке:

— Не горничная? Если что-то выглядит как утка и крякает как утка, то что же это может быть?

Кровь бросилась в лицо.

— Понимаю, что мой облик может ввести в заблуждение... — вежливые слова давались не просто. — Но я такая же претендентка, как и вы.

— Такая же? Кажется, у моего остроумия появился конкурент. Настолько смешной шутки я ещё не слышала! — Леди посмотрела по сторонам, будто приглашая остальных посмеяться вместе с ней.

Одна из её соседок, блондинка с бесцветным лицом, что держалась непринуждённее остальных, вдруг оживилась:

— О, я догадалась! Леди Риц, вы будете в восторге. Это новое развлечение, чтобы мы не заскучали до вечера, точно вам говорю. На прошлом отборе, говорят, приводили учёную обезьяну! Она могла складывать числа до десяти и потешно кланялась.

Зубы скрипнули. Меня будто помоями с головы до ног облили. Так вот, кто я для них? Немногим лучше, чем учёная мартышка?

Эта девица, обрадованная своей находчивостью, захлопала в ладоши:

— Сколько же будет пять плюс семь?

Леди Риц остановила её:

— Ну, полноте вам. Совсем засмущали мисс... Простите, не знаю вашего имени, какая жалость.

Я бы и не стала представляться. Может, даже вовсе ушла, оставив этих змей давиться своим ядом. Но от дверей вдруг прозвучал звонкий голосок:

— Её имя мисс Тея Блаунт.

Отбивая ритм шага каблучками, в чайную комнату вошла моя новая знакомая — болтушка леди Эдельбри. Над высокой переносицей залегла крошечная складка, щёки пылали. Она успела застать часть беседы и явно была не в восторге от услышанного. Не будь леди столь миловидна, её лицо можно было бы назвать свирепым. Она с негодованием посмотрела на темноволосую зачинщицу:

— Шарлотта, я смотрю, вы не оставили прежних своих привычек? Это просто низость, так вести себя с бедной девушкой!

Фортепиано сбилось с ноты и замолкло. Тишина в комнате наступила такая, что я слышала собственное сердцебиение. Другие девушки выглядели растерянными. Кто-то неловко кашлянул. Они явно не могли определиться в том, чью сторону нужно занять. Если я хоть что-нибудь понимала, леди Риц и леди Эдельбри были равны по положению.

— Да и вы, Диана, нисколько не изменились, — с фальшивым дружелюбием отозвалась Шарлотта Риц. — Всё так же подкармливаете бездомных.

Их взгляды скрестились, будто клинки. Светло-голубые и карие глаза испытывали друг друга. Жаль, что драться леди не станут, уж я бы посмотрела на это.

Я слегка поклонилась леди Эдельбри:

— Благодарю за участие, но мне не нужно покровительство. Дурные слова причиняют вред лишь тому, кто их проносит.

Мудрость, оставленная мне Уной. В детстве я постоянно встревала в драки с ребятами в приходской школе, которые задирали меня за маленький рост и молчаливость. Подозреваю, она велела мне так думать лишь потому, что ей надоело пришивать оторванные рукава и объясняться с чужими родителями. Но гадкие слова с тех пор и правда скатывались с меня, как с гуся вода.

Леди Риц времени зря не теряла. Она сощурилась, бросила острый взгляд:

— Видите, Диана? Даже бездомным щенкам ваша помощь не нужна. Зря стараетесь.

Оставлять за ней последнее слово я не собиралась. Может она и разодела в шелка и бархат, может и знатнее меня в тысячу раз, но в душе одно гнильё и паучьи гнёзда.

— Не нужно переворачивать мои слова, — сказала я, держась так прямо, как только могу. — Я благодарна леди Эдельбри. Просто вы — недостаточная угроза, чтобы волноваться.

На золотистых щеках леди Риц вспыхнули красные пятна.

Её белёсая подружка в изумлении распахнула рот:

— Какая дерзость...

Чувствуя что победила в этой схватке, я покинула комнату. Даже если эта расфуфыренная леди Риц затаит обиду, какая разница? Больше мы никогда не увидимся.

Глава 5

Дворцовый парк был огромен, за день не обойти. Лишь вдали, тёмной полоской на горизонте, начинались лесные угодья. Я представила, как среди остриженных конусами деревьев бродят давно заплутавшие люди: худые, небритые, с дикими глазами. Да уж. Главное, самой не заблудиться.

Вблизи дворца нашлось достаточно дорожек, чтобы размять ноги. Клумбы источали волшебный аромат, хотя все приличные растения уже давно отцвели. Сбитые с толку пчёлы пачкали лапки в пыльце и сталкивались в воздухе, в кронах распевали невидимые птицы. Если прислушаться, можно различить журчание воды: неподалёку оказался фонтан.

Водяная пыль оседала на ладонях и лице приятной прохладой, в воздухе играли радуги. Я посмотрела на отражение и заметила, что на дне чаши рыбьей чешуёй поблёскивают монетки. Ого! Даже золотые... Обрадованная, я немедленно заозиралась в поисках подходящей палки, деньги-то у меня совсем вышли. Даже на обратную дорогу не было. Так что риск по локоть намочнуть в фонтане не казался таким уж страшным.

Однако, придворные садовники не зря ели свой хлеб.

— Да что это за сад такой, если в нём нет палок? — Бурчание под нос поискам не помогло.

Я присела на бортик, прикидывая, настолько ли глубоко

дно. Эх, близок локоть...

По лабиринтам остриженных кустов прогуливались дамы, мелькали кружевные зонтики и слышался смех. Лезть в фонтан у всех на глазах я не решилась — ещё примут за бродяжку и выставят отсюда. Может, позже. Когда все уснут и не будут глазеть. Это даже не воровство, деньги просто лежат, пропадая зря. Никто не пострадает, если забрать их.

Хотя откровенное воровство меня тоже не слишком смутило бы. «Если взять у богатого то, что ему не нужно, — говорила Уна, разворачивая свистнутую у сынка лавочника сладкую булку, — ничего плохого в этом нет».

Засаднило плечо в память о полученных тогда колотушках. Мальчишка пожаловался отцу, а тот пришёл сам проучить дерзких малявок. И пока на нас сыпались затрешины и пинки, и без того упитанный свин жевал медовый пряник. Он ел его даже без удовольствия, больше крошками сыпал. Просто показать, что может так, в отличие от нас.

Отражение пошло мелкой рябью.

— Да, ничего плохого... — протянула я, глядя, как волны стирают моё лицо. — Жаль, богачи так не считают.

— Простите?

Я развернулась так резко, что едва не свалилась в фонтан. Незнакомец, что успел подкрасться сзади, отреагировал быстро — удержал под спину, не давая упасть. От неожиданности я вцепилась в его плечо, как напуганная кошка.

— Право слово, я настолько страшен, что вы решили от

меня уплыть?

Юноша, совсем молодой, улыбался мне. Изящный и весь какой-то светленький, как сахарная фигурка. Не из простых: осанку держит, разодет как на праздник. Даже часы карманные при нём, цепка свисает от жилета к карману.

Мгновение мы были совсем рядом, нос к носу. От золотистых волос так приятно пахло, что потянуло совершенно по-собачьи обнюхать, но сомневаюсь, что здесь такое принято. Да такое вообще нигде не принято!

Большие голубые глаза с любопытством изучали, как я краснею.

Нет, страшным он точно не был. На такое лицо всякому приятно смотреть.

— Жарища стоит, так и тянет искупаться, — неловко отшутилась я и разжала скрюченные пальцы.

На ткани остались заломы. Сейчас увидит, и вот эта приятная улыбка сменится гримасой.

Но кажется, проблемы с костюмом его не особенно волновали. Юноша бросал на меня взгляды, будто хотел сказать что-то, но не решался. По всему было ясно — не уверен в том, кого видит перед собой. Ещё бы. Одета прислугой, а болтается без дела, как знатная. Он всё же открыл рот что-то спросить, но тут окликнули со стороны:

— Довольно флиртовать, идём уже. Ещё успеешь нажать себе проблем вечером.

Из-за живой изгороди к нам шагнул другой молодой че-

ловек, высокий, плечистый — и немедленно соорудил козью морду. Всё в нём дышало раздражением. Одетый лишь в чёрное с белым, темноволосый и бледный, он выделялся на фоне весёлой зелени и неба. Как будто кто-то стёр все краски.

— Твоя учтивость неподражаема, братец. Должно быть, ты не заметил, но мы ведём приятную беседу с мисс... Простите, не знаю вашего имени, — вежливо улыбнулся первый.

«Братец»? Двух более непохожих людей и выдумать трудно. Один лучился солнцем, второй — как холодная лунная ночь, когда всякий прохожий спешит поскорее добраться до дома.

— Что толку с ними разговаривать? — процедил «ночь», оправляя манжеты рукавов. Длинные пальцы унизывали перстни, камешки переливались на свету. Небось, какой-нибудь графский сыночек, что тратит отцовские деньги направо и налево. — У этих девиц одно на уме.

Меня ужасно взбесило, что этот тип делал вид, будто меня здесь нет. Словно я одна из этих мраморных скамеек.

— Это вы верно подметили, — сказала я и прямо взглянула в его серые глаза. — Девицы только и думают, что о выплавке чугуна.

Светлокудрый юноша легко рассмеялся:

— Видишь? Ты слишком рано разочаровался в жизни: в ней всегда есть место неожиданностям. Прошу нас извинить, мисс. Я бы и рад продлить беседу, но дело не терпит отлага-

тельств.

Его брат нетерпеливо хмурился, явно находя все эти расшаркивания излишними. Даже не дождавшись прощания, зашагал прочь.

Какой неприятный тип, подумала я, провожая их взглядом. Только и есть, что красивое лицо. А внутри одна зола, да уголь. Ушёл — да скатертью дорога.

Внутри скалила зубы злость, требовала догнать хама и насовать ему зуботычин. Вот был бы скандал так скандал — претендентка накинута на графёныша! Я прыснула, воображая, какое лицо бы сделалось у этого напыщенного индюка. Но выставять себя с плохой стороны перед его улыбочивым братом, отчего-то, не хотелось. В этом дворце мало кто говорил со мной, как с человеком. На сердце немного потеплело от ласковой улыбки, которую он мне подарил.

Вечер стремительно надвигался. И чем ближе он был, тем отчётливее я понимала — с нарядом нужно что-то делать. Я надеялась узнать про Уну, но кто будет откровенничать с горничной?

Пребывая в раздумьях, я спускалась по бесконечной лестнице в холл. Навстречу, торопливо перебирая ногами, поднималась девушка практически в точно таком же платье. Ткань другая, получше, но схожий крой и цвет. Я с досадой прикусила губу. Поставь нас рядом, никто не догадается, кто прислуга, а кто участница. Смысл винить людей, что они

просят у меня чай, когда так одета? Сама виновата.

Поток самобичевания прервался, когда я увидела лицо девушки. Мокрое от слёз, оно было совершенно несчастным. Хоть что-то здесь так же, как везде.

Стоит ли совать нос в чужие дела?

В голове всплыли все те разы, когда мне нужна была помощь, но никто и внимания на то не обращал. Люди просто шли мимо, стараясь, чтобы моё несчастье их не коснулось. Будто грязь или болезнь, что прилипнет к рукам.

Горничная почти добежала до верхней площадки, когда я нагнала её и окликнула:

— Эй, погоди! Случилось что?

Слова были такими глупыми, что я сморщилась. Конечно же случилось, дубина, люди не рыдают просто со скуки.

Девушка обернулась. Шмыгнула покрасневшим носом.

— Меня приставили к леди Риц, — сказала она таким тоном, словно пояснения были не нужны. Тонкие губы тряслись и кривились.

— Ага... И что?

— Ты новенькая, что ли? Не припомню тебя...

Этот взгляд загнанного животного, которое осторожно выглядывает из норы! Он мне хорошо знаком. Девушка боялась сболтнуть лишнего.

— Я тоже была горничной, но недолго, — думаю, стоит умолчать, насколько недолго, — а сюда на отбор приехала.

Девушка раскрыла рот в изумлении.

— Так ты из этих?! Ой, — она вдруг смешалась, — ничего, что я к тебе на «ты»? К вам, к вам на «ты», — чем больше она тараторила, тем сильнее путалась. — Ох... Простите, я такая глупая, вечно всё делаю не так...

Видя, что у неё опять глаза на мокром месте, я поспешила успокоить:

— Да хватит, всё в порядке. Я такая же, как ты, чего церемонии разводить?

— Такая же, да не такая же, — покачала она головой и вытерла лицо рукавом. — Я бы заявку на отбор ни за что не послала, тут смелость нужна. А где моя смелость... Вся у леди Риц в кулаке.

Странные речи.

— Какую заявку? — спросила я с подозрением.

Она уставилась в ответ с подозрением ещё большим.

— А ты точно претендентка? Чтобы попасть в списки, нужно сперва прислать заявку. Сама подумай, как иначе? Это генеральским дочкам можно не суетиться или герцогиням всяким, про них и так знают. А про таких, как мы с тобой, кто вообще слыхивал?

С досады я едва не прикусила язык. Почему-то мне верилось во всемогущество короля и двора настолько, что никаких вопросов не возникало. И Уна ведь тоже попала в список, но я не видела, чтобы она отсылала писем. Не могли же у неё быть от меня секреты? Мы всем делились.

— Странная ты какая-то, — сказала горничная, наблю-

дая за переменами на моём лице. — Говоришь, не отсылала заявку? Позаботился кто-то, видать. — Она помрачнела. — Мне б такого благодетеля, а то одна ругань, да колотушки.

Взяла бы, да сама и послала, подумала я с накатившим раздражением. Даже на марку тратиться не нужно, ты уже здесь. А пока будешь сидеть и ждать у моря погоды, так вся жизнь мимо и проплывёт.

Дальнейшие причитания я пропустила мимо ушей, думая о своём. Кто же мог это сделать? Мама? Её искажённое от ярости лицо вспыхнуло перед глазами. Она была вне себя, когда узнала, что ещё одна дочь собралась в это гиблое место. А больше близких у меня и не было, только мать, да сестра.

Могла ли Уна?.. В её духе такое устроить. Она из тех людей, что добро не делают, а причиняют — независимо от желаний тех, кто попадает под раздачу.

Надежда встрепенулась, расправила крылья. Если это правда сестра, значит, она жива. Чувство такое, будто я наткнулась на кончик нитки в клубке.

Прервав жалобы, я спросила:

— А ты не знаешь, часом, заявки начинают слать сильно заранее?

— За полгода. Чтоб из каждого захолустья дойти успело, сама знаешь, как почта работает, — она собиралась высказать ещё какие-то соображения насчёт почтовых служб, но тут забили большие часы в холле. — Божечки! Пять часов

уже! Совсем заболталась с тобой. С вами. С тобой. Ах, бежать надо, извините.

Она подхватила юбки и помчалась, но тут же вернулась и горячо шепнула на ухо:

— Утрите нос леди Риц, чтоб ей пусто было!

Я улыбнулась, глядя заполошной девчонке вслед. Кажется, даже за меня кто-то болеет.

Глава 6

Проблема с платьем требовала решительных действий. Сказки, любимые в детстве, вращались все как одна — никакая добрая тётушка не выпрыгнула из-за gobelena, сгорая от желания мне помочь. Где вообще они водятся, эти тётушки? И ни одной служанки, что несёт на помойку роскошный наряд, потому что на подоле нашли кро-о-охотное пятнышко, тоже не наблюдалось. Может, где-то и происходили все эти странные вещи, но меня они обходили стороной.

Оглядываясь и вздрагивая от каждого шороха, я дождалась, пока стража уйдёт в пересменок, и пробралась на гостевой этаж. По обе стороны коридора шли двери, огоньки свечей подрагивали на сквозняке. Даже треск и шипение фитилей казались зловещими, словно тёмные углы скрывали в себе невидимых змей. Я нервничала так сильно, что вспотевшие ладони пришлось вытереть о подол.

Дверь за дверью, комната за комнатой. Здесь запирались, не доверяя прислуге — а может, и другим гостям.

Сперва прислонить ухо к резным доскам, потом медленно повернуть ручку. И так снова и снова. Наконец, когда я уже была готова отчаяться, одна из дверей поддалась и пропустила меня в комнату.

По глазам ударил свет. Большие окна едва прикрывали шторы зелёного бархата, тяжёлые и роскошные. Их удержи-

вали широкие бисерные ленты — будь у меня больше времени, а ещё игла с ниткой, можно было бы смастерить наряд только из этих двух вещей.

Но роскоши возиться здесь, сколько вздумается, у меня не было. Главное, чтобы никому сейчас не пришло в голову прилечь на пару часиков. На всякий случай, я подперла дверь стулом. А то если кто войдёт и увидит, что я шарю по ящикам — выволочки не избежать.

Черепашковые гребни и пуховка на столике подсказывали, что здесь расположилась женщина. Удачно я зашла. И пребогатая же дамочка, судя по шкатулкам в золотых узорах. Из любопытства я открыла одну, но вместо украшений в гнёздах покоились какие-то баночки из стекла и кости. Чуть не уронив одну из них, я решила оставить шкатулку в покое. Наверное, какие-то снадобья для пищеварения.

Одежды, на первый взгляд, в комнате не было. Я распахнула дверцы гардероба и едва не присвистнула. Платья едва вмещались, одна из коробок вывалилась мне прямо в руки. Подцепив краешек юбки, я поднесла к глазам узорную вышивку. Рельефная под пальцами, плотная. Ещё и камнями расшито.

Позабыв обо всём на свете, я с головой зарылась в эту сокровищницу. Маленькая девочка внутри меня пищала от восторга — когда ещё будет такая возможность!

Внезапно дверь дёрнулась.

Чёрт! Я замерла, как испуганный зайчонок. Сердце рух-

нуло в пятки так резко, что на мгновение я перестала его чувствовать.

Раздался вкрадчивый стук.

— Шарлотта! — Голос был очень взволнованным, но приглушённым. Словно мужчина не хотел, чтобы услышал кто-то посторонний. — Если вы здесь, немедленно откройте! Нужно срочно поговорить! Шарлотта! Министр что-то подозревает, я уверен! Ответьте же!

Я сидела на полу, зажимая нос платьем, чтобы даже звук дыхания не просочился наружу. Проваливай же! Не ясно что ли, нет никого.

Отколошматив ни в чём не повинную дверь, мужчина ушёл. Выждав для верности, я с облегчением откинулась на шкаф. Пронесло. Надо быстрее шевелиться — мало ли, кто ещё пожалует к этой Шарлотте.

Я побоялась брать самые шикарные туалеты, сверкающие от драгоценных камней. Атласные юбки, корсажи в пене белоснежных кружев, банты и перья... Одно такое платье стоит целое состояние. И едва ли о нём забудут. Возьму что-нибудь красивое, но попроще, что не так бросается в глаза. Скажем, вот это платье: мягкие складки голубого шёлка, немного кружев, серебряная нить. А волосы просто распушу, после кос лягут красивыми волнами безо всяких папильоток.

Сказано — сделано. Я переоделась, заодно позаимствовав батистовую сорочку из тюка с бельём. Расчесала волосы на пробор. Даже капнула пару капель ароматической эссенции

из пузырька на трельяже. Запах не понравился — тягучий и густой, как патока, заявляющий о себе слишком громко, — но благоухать было приятно.

Я улыбнулась отражению в маленьком зеркальце. Ну и чем не знатная дама? Может, я и не обучена такой походке, будто скользишь по полу, но стою на месте не хуже прочих. Последним штрихом стала пара шёлковых перчаток. Я натянула их и расправила плечи — совсем другие ощущения.

Часы на этаже пробили шесть вечера. Пора спускаться в бальный зал.

Первый этап отбора начался.

Глава 7

Для первого бала в честь отбора выбрали Янтарную залу — место поистине ослепительное. Названию вторил светло-го дерева паркет, сверкающие позолотой подсвечники и вышитые гладью солнечные гобелены по стенам. В люстрах горели тысячи свечей, от их яркого света некуда было скрыться. Я прикрыла глаза ладонью. Если продолжу так щуриться, люди решат, что я их в чём-то подозреваю.

Гостей было так много, что их голоса сливались в монотонный шум и звучали сквозь музыку. Как на ярмарочной площади в праздник урожая. Смех вспыхивал то там, то тут, перемещаясь по залу блуждающим огоньком.

Сотня претенденток, их родственники и прислуга, живущие во дворце придворные, гости, королевская семья. Все собрались здесь, чтобы узнать, кто войдёт в золотую дюжину.

Я несколько оробела от этой толчеи. Одни сбились в группы, другие фланировали по залу, но мне казалось, что это какой-то буйный водоворот, который вот-вот утащит. Чтобы немного прийти в себя, я прибилась к паре барышень, которые меня даже не заметили. У одной из них был до смешного пышный хвост русых волос, вид которого странным образом успокаивал. Наверное, он напоминал что-то родное и близкое, вроде метлы.

— Посмотри! — «Хвостатая» схватила подругу за локоть.

— Там, за колонной, беседует с распорядителем. Это не мистер Брикман?

— Кто, прости?.. — растерялась вторая, плотная шатенка, затянутая в корсет. Кажется, пластины сдавили её слишком туго, потому что глаза её были одновременно несчастными и немного навывкате. — Что-то я запамятовала, Биби. Слишком много фамилий пришлось узнать за последнее время.

— Маркус Брикман, главный репортёр из «Королевского вестника»! Это он в прошлом году раскопал скандал с лордом Мортертоном. Говорят, лорд даже нанял убийцу, чтобы отомстить!

— Ох... — Шатенка аж попятилась. — Надо держаться от него подальше.

— Наоборот, глупенькая, — снисходительно усмехнулась Биби и качнула своим прекрасным хвостом. — Если мистер Брикман о тебе не знает — ты никто в этом мире. Его мнение имеет вес. Одна заметка в «Королевском вестнике» — и ты знаменита.

— Или покрыта несмываемым позором и нанимаешь убийцу...

Но Биби было не смутить. Плечико в довольно открытом вырезе платья дёрнулось.

— Просто води себя прилично, — тоном искушённой дамы заявила девушка. Она потащила подругу вперёд, хотя та даже ногами не двигала. — Пойдём, пойдём, нужно обязательно показаться ему на глаза.

— Много тут газетчиков?

— Прорва. Но с мистером Брикманом никто не сравнится.

— Ты с таким восторгом о нём говоришь... — Шатенка хихикнула, колыхнув подбородками. — Уверена, что хочешь стать женой принца, а не репортёра?

— Да ну тебя. Идём же, пока им не завладела леди Риц.

Девушки, сдавленно хихикая и покачивая пышными юбками, удалились в сторону колонн. Подслушанный разговор удивлял. Разве может газетчик иметь такую власть? Он ведь только и создаёт, что буквы на бумаге. Пшик, ничего. Обычный человек, без титула, не владелец поместий и мануфактур.

Почти как я.

Но его внимания ищут даже леди, его боятся и обсуждают. Что за странный мир.

Пока я глазела, одну из претенденток неподалёку пригласил на танец высокий мужчина в мундире. Я думала, что сейчас нахал получит от ворот поворот, но девушка с кокетливой улыбкой приняла руку.

Вот тебе и раз. Танцевать с без пяти минут чужой невестой здесь нормально. А на наших улочках за такой фортель можно и зубов лишиться. Причём, как незадачливому кавалеру, так и невесте.

Музыканты старательно водили смычками по струнам, музыка прерывалась лишь на краткий миг смены пар. Ноги так и просили пуститься в пляс, но всех этих сложных валь-

сов и менюэтов я не знала. А мои любимые танцы, вроде «козочки» или «безумной Молл» вряд ли когда-то станцуют под сводами королевского дворца.

Пользуясь мгновением перерыва, когда пары распадались и собирались вновь, я устремилась в противоположный конец зала. Там хоть присесть можно, не всё ж столбом стоять.

— Ах! — Девушка, что налетела на меня, залилась ребячливым смехом. Рыжеватая и с милым лицом она немного напоминала бельчонка. — Простите! Эта музыка совсем вскружила мне голову!

Сияя улыбкой, она подхватила юбки и умчалась, стуча каблучками по паркету.

— Какая невоспитанность.

Я обернулась, но нелестная оценка адресовалась не мне. Статная молодая дама смотрела вслед той бойкой девчужке, что едва не сбила меня с ног. Не будь на этой особе платья, пошитого из синего атласа, любой мог бы попасть впросак, приняв живого человека за статую. Её аристократичное лицо напудрено до алебастровой белизны и почти лишено чувств, как застывшая маска. Совершенная и пугающая.

Видя, что привлекла внимание этими словами, она проявила вежливость и приветствовала меня крошечным кивком.

Фрейлина, наверное. Или принцесса. С таким лицом рыбой не торгуют.

Наблюдать за окружающими было страсть как интересно, но живот подводило от голода. С утра во рту маковой росинки не было, не считая чашки чая и парочки бисквитов, которыми угощали всех претенденток. Предчувствуя, что ещё немного — и живот разорётся громче скрипки, я перешла в смежную с залой столовую комнату.

Ожидалось увидеть что-то вроде трактира, только с белыми скатертями и бархатными подушками на каждом стуле. Однако, Гранатовая столовая не баловала возможностью дать отдых ногам — так, лишь несколько козеток в уютных нишах. А столы, которые ломились от многоярусных закусок, тянулись вдоль стен.

Буду есть, пока не лопну, решила я тут же. Воображаю себе заголовки утренних газет: «Сенсация! Первая жертва королевского отбора! Читайте на развороте!» Надеюсь, её напишет этот мистер Бриксби или как его там.

Гости накладывали угощение на крошечные тарелки, орудуя щипцами. Я последовала их примеру, жалея, что не могу взять нормальный поднос вместо несуразного блюдечка.

Первым, что довелось попробовать, была корзинка слоёного теста, в которой запекли сыр, грушу и тончайшие ломтики копчёного окорока. Мне бы в голову не пришло такое смешать, но вкус оказался выше всяких похвал и растёкся по языку настоящим блаженством. Дома редко бывало какое-то мясо, кроме жёстких обрезков говядины. Да и та попадала в горшок только на большие праздники. А уж такое балов-

ство... Потратишься, а желудок и не заметит. Для бедняка еда — возможность прожить ещё день. Не развлечение какое-то.

Отогнав мрачные мысли, я изучала содержимое тарелки. Мой сосед, франтоватый старикашка, от которого сильно пахло табаком и хвойным одеколоном, с одобрением покопсился.

— Вот так и должны кушать барышни, — сказал он, будто я спрашивала. — Что это за красота такая, если ветром унести может? О, настоятельно рекомендую эту прелестную зайчатинку в красном вине, очень нежная.

С набитым ртом особо не поговоришь, так что я покивала, давая понять, что совет принят к сведению. Сзади вдруг возникла крайне встревоженная девушка и принялась шипеть на старика:

— Папа! Вы опять?! Хватит приставать, сколько ж можно? — Она сердито фыркнула и сдула чёрную кудряшку, что выбилась из причёски и так и норовила упасть на лоб. — На меня уже косо смотрят. И снимите уже этот цилиндр, их давно не носят при дворе.

— И совершенно зря! Приличный мужчина должен иметь три вещи: счёт в банке, разумных сыновей и качественный головной убор.

— Говорите тише, на нас смотрят.

Но дед только распалился от этих увещаний:

— И пусть смотрят! Пусть! На прошлом отборе я не по-

боялся вздуть этого адвокатишку из Форбрука, и на этом готов за себя постоять!

— Значит, и в этот раз мне в золотую дюжину не попасть... — пробурчала под нос дочь. — Премного благодарна.

— Чего ты там бормочешь? Говори ясно и чётко, как эта юная мисс.

Я замерла на половине кремового пирожного с большой клубничинной на сливочной верхушке. Кажется, это был первый раз в жизни, когда меня поставили кому-то в пример. И не особо заслуженно, ведь я и слова этому старикашке не сказала. Остаётся только догадываться, как это он смог оценить речь по молчанию.

Девушка оставила тщетные попытки призвать отца к порядку. Она украдкой оглядывала мой наряд, и прямо-таки видно было, как за этим широким лбом идёт мысленный спор.

— Простите, — наконец решилась она, — вы, случайно, не воспитанница лорда Стерджиса?

От такого я едва не подавилась. И, не желая рисковать жизнью, отложила еду в сторону.

— Нет-нет, со знатными семьями меня ничего не связывает.

Я думала, что сейчас она скорчит рожу и отойдёт, но она с явным облегчением улыбнулась:

— Хвала небесам! Я здесь второй раз уже, а поговорить не

с кем. Одни леди кругом, к ним даже подойти страшно. Хотя про каждую столько двусмысленного говорят, всё равно нос задирают, пфф... — Она с небрежным видом поковыряла заливное из птицы. — Взять хоть леди Фицуильям... Все знают, что она крутила роман с младшим принцем! Прямо во время отбора для его покойного старшего брата! В смысле, ныне покойного. Тогда-то он жив-здоров был. Ах, такого красавца потеряли... Средний принц, конечно, тоже красавчик хоть куда, да и младший... Но в старших всегда есть какой-то особенный шарм, вы согласны? Хотя, я не расстроюсь, если выйду за среднего.

Уследить за ходом её мысли было трудновато, с одного перескакивало на другое быстрее, чем я приканчивала крылышки рябчика в хрустящем тесте.

— Вы правда хотите победить? — сперва сказала, а потом уже поняла, что прозвучало грубо.

Но моя собеседница не обиделась. Напротив, с покаянным вздохом заулыбалась:

— Дайте же мне помечтать! Если дочь ростовщика станет принцессой, все эти леди языки сожрут от зависти!

— Милая, что за выражения... — вмешался старик. Кажется, он пропустил мимо ушей всю беседу, увлечённый вылавливанием креветок из салата.

— А что? Так ведь и будет. Представляете, папенька? Я — и принцесса! Буду целыми днями примерять платья и музицировать.

— Хе-хе, ничего не изменится, значит?

Я спрятала смехок за кашлем.

— Ну хватит вам, папа! Ни за кого я не выйду, понятное дело... Но попасть в золотую дюжину тоже было бы восхитительно. Блестящая партия обеспечена. Не подумайте, мисс, что у меня недостаток предложений... Но это был бы совершенно иной уровень. Генералы. Лорды. Может, даже младший принц Ансель...

Круглые глаза девушки затуманились мечтательной дымкой. Она явно много и полезно думала на сей счёт — в отличие от меня.

Мысль о замужестве всегда казалась ужасно далёкой. И попав сюда, я избежала первой реакции, возникающей у каждой порядочной девушки, не имеющей друга сердца — желания заполучить мужа. Вхожего в высший свет. Богатого. Хорошо одетого.

Для меня не было большой разницы между принцем и сыном банкира — оба всегда были одинаково недоступны. На грани выдумки.

А сейчас я оказалась в месте, где все эти люди реальны. До них даже можно дотронуться, если пригласят на танец.

Глава 8

Углубившись в мысли о десятках завидных женихов, я и не заметила, как к нашей компании присоединилась ещё одна девушка — та пухленькая брюнетка, что очень боялась репортёра. Свою подругу с удивительным хвостом она где-то потеряла, надеюсь, ту не упрятали по ошибке в чулан. Громкое восклицание вернуло меня в разговор, нить которого была благополучно упущена:

— Не может быть! Лиззи, да ты разыгрываешь меня!

— Могу поклясться собственным платьем, Мэриэнн, — веско проронила дочь ростовщика. Почему-то мне стало так смешно, что пришлось опустить голову. — Мисс Огилви точно вернули ко двору, я видела её рыжие локоны.

— Да, их точно с чужими не спутаешь, — пробормотала Мэриэнн и принялась озираться, будто ожидала, что эта мисс Огилви выпрыгнет на неё из-за колонн. — Но я думала, что она онемела после того случая, разве нет?

— Думаю, она не более, чем притворщица, — скривила губы Лиззи. — На что люди только не идут, чтобы привлечь внимание.

Сказано это было так громко, чтобы точно услышали все окружающие.

Чувствуя, что сейчас утону в этом потоке сплетен, я направила разговор в самое любопытное русло:

— Мисс, я вижу, что вы чудо как осведомлены, а я впервые здесь и ничего не понимаю. — Не перебор ли? Но нет, девицы польщённо заулыбались. — Может, вы знаете, как проходил прошлый отбор? Я слышала столько слухов, но не знаю, чему верить!

Они переглянулись, как настоящие заговорщицы.

— О, это было весьма скандальное мероприятие, — сказала Лиззи, накручивая кудряшку на палец. — Столько грязных секретиков вылезло наружу. Хотя я и не попала в золотую дюжину, но пристально следила за газетами и ходила на все представления. А! — Она хлопнула подругу по руке. — Помнишь? Самый первый скандал я застала лично.

Мэриэнн нахмурилась, припоминая.

— Ты про министра юстиции? — неуверенно протянула она.

— Да, да! — Глаза Лиззи заблестели. Она подозвала нас подойти ближе и яростно зашептала: — С той девицей мы даже сидели рядом на приёме, вот на таком же расстоянии её видела, как вас сейчас. Сразу подумала, что она какая-то подозрительная. Только представьте, таких грубых рук в жизни не видела, как у неё. Но лицо красивое, в этом не откажешь.

— Вот министр и попался в сети, — хихикнула Мэриэнн и зажала рот ладошкой.

— Это ещё посмотреть, кто кому попался! — отец Лиззи втиснулся между нами. — Такая ягодка — и с этим обалдуем!

Лиззи пошла пятнами.

— Да будьте же тише, папа, умоляю вас!

Они препирались, а я чувствовала себя гончей, напавшей на след. Красивое лицо и грубая кожа... Внутренняя дрожь передавалась рукам. Сцепив их, я попросила:

— Продолжайте же, я не вполне понимаю, что именно тогда случилось?

— Какая-то сомнительная девица пролезла на тот отбор. Из бедных. Говорят, даже из прислуги, — девушки обменялись гримасками, полными возмущения.

— А разве это не нормально? — стараясь не выдать истинных чувств, спросила я. — Одно из мест отведено пятому сословию. Почему вы говорите, что она «пролезла»?

Лиззи закатила глаза и недовольно цокнула:

— Ну хорошо, не пролезла, а попала. Это всё слова. Каждый понимает, что эту дурацкую формальность давно пора отменить. Служанка на троне, где такое видано? — Она фальшиво рассмеялась, нисколько не стесняясь горничной с подносом, как раз проходившей мимо.

Может, она и права, но стоило большого труда удержаться и не заткнуть ей рот пирожным. Не то чтобы я не знала, как относиться к пятому сословию. Но сейчас я получала в лицо всё то, что раньше оставалось за спиной. И это купание в грязи никакого удовольствия не доставляло. Она всего лишь дочь ростовщика, ничего полезного в жизни не сделавшая, но считает себя лучше Уны просто потому, что относится ко

второму сословию.

— Эта мисс зря времени не теряла, — доверительно сообщила Лиззи, не подозревая, что в моей голове она сейчас тонет в канаве, — понимая, что до принца ей не допрыгнуть, прыгнула в койку министра юстиции. А он женат! И старый! Отвратительно!

— Прошу прощения! — возмутился дед.

Дочь похлопала его по щеке:

— Не сердитесь, папа, на правду не обижаются.

Мэриэнн, видимо, тоже не знаящая всех деталей, оживилась:

— Какой скандал! Как же её разоблачили?

— Говорят, их застукала горничная леди Риц, когда несла платья в прачечную ночью. Она увидела, как девица одна заходила в его покои.

— Кошмар, — заохала Мэриэнн, обмахиваясь ладонью. — Такое оскорбление для принца Гаррета...

— Я и говорю — сразу было понятно, что она собой представляет. С такими-то руками. Даже по имени можно понять, из каких низов она вылезла, так и веет окраинами. — Лиззи сложила руки на животе и приняла важный вид: — Я сразу по имени понимаю, что за человек передо мной, приличный или не стоит связываться.

— Какая удивительная у тебя память, — удивилась Мэриэнн. — Мне и ученье никогда в голову не шло, наша гувернантка столько билась...

— Не могу жаловаться, прекрасная память у меня от матери. У нас все женщины в роду отличаются умом, правда, папа? Папа?.. Ах, не слышит. Так что если я хоть раз что-то замечу, то уж больше не забуду, будьте уверены! Хоть среди ночи разбудите, скажу, что девицу ту звали Ула. Ула Браун.

Между широких бровей Мэриэнн залегла складка:

— А точно ли Браун? Брауны — это угольщики из Ровеншира, мой папенька только недавно от них вернулся.

Застигнутая врасплох Лиззи отмахнулась:

— Ах, ну какая разница — Браун или нет. Значит, Ула Блаун. Или не Ула... Ты меня запутала!

Я с отстранённым видом накладывала жирных креветок. Внутри всё клокотало от едва сдерживаемого гнева.

Уна, а не Ула, тупица ты чёртова.

Глава 9

Наевшись закусок и сплетен в равной мере, я вернулась в залу. Настроение упало, но я не хотела позволять какой-то там Лиззи портить мне самый волшебный день в жизни. Музыканты перешли с неторопливых мелодий на быстрые, людей, кажется, стало ещё больше: некоторые сгрудились на этаже-балконе, рассматривая людей внизу в лорнеты и смешные маленькие бинокли. Я повертела головой, выискивая королевскую чету, но никого похожего не нашла. Наверное, хозяева вечера должны явиться последними — их места на возвышении между каминами пустовали, четыре резных кресла с высокими спинками, которые никто не смел занимать.

Эх, во дворец попала, а короля так и не увидела. Кто узнает — засмеёт.

Шум нарастал. В громкой толчее быстро становилось не по себе, от спёртого воздуха начало сдавливать виски. Даже распахнутые двери в сад не помогали бороться с духотой.

Пойду-ка я освежусь, пока голова не разболелась.

Вечерний сад встретил пронзительным стрёкотом сверчков. Круглая луна освещала всё так хорошо, что безо всяких фонарей можно было разглядеть звёздочки ночных цветов, так что я без сомнений свернула в сторону от пылающих в чашах огней. Вдыхая тысячи новых запахов, я медленно по-

шла по дорожке, ведя рукой по стене виноградных листьев. Прохладная зелень приятно касалась кожи.

Из-за поворота живой изгороди вдруг донеслись приглушённые звуки борьбы.

— Не надо... — сдавленный девичий голос казался писком.

— Скромность делает вам честь, но довольно же этих условностей, — отвечал мужской. — Ах, идите же сюда, негодница...

Зашуршала ткань, хрустнула ветка.

— Пожалуйста, милорд, вы не так меня поняли!.. Не на... Я закричу!

— Уверены, что вам стоит это делать? — Мужчина понизил голос, зазвучал вкрадчиво, с затаённой угрозой: — Все ведь сбегутся посмотреть. Расскажут вашей матушке, начнут обсуждать, строить домыслы. Как же так вышло, что юную претендентку застали с другим мужчиной? — Он хмыкнул с насмешкой. — Вас ославят на весь свет, перестанут приглашать в салоны. Мы ведь не хотим этого, ммм? Будьте послушной, и я никому ничего не скажу. Напротив, устрою вашу судьбу наилучшим образом.

— Перестаньте! Пустите же!

В дрожащем голосе девушки слышались слёзы. Так звучит человек в шаге от истерики.

Меня будто ударило: только сейчас дошло, что же там творится.

Вне себя, я проломилась через кусты и вывалилась прямо туда, где разворачивалось действо. О том, что можно изорвать платье об острые ветки, в запале как-то не думалось.

Моё появление стало громом средь ясного неба.

В угол ажурной садовой скамьи вжималась та похожая на белочку девушка, что налетела на меня в зале. Но от бывлой весёлости не было и следа. Её била крупная дрожь, на белом от испуга лице блестели дорожки пролитых слёз. Прижавшийся к ней мужчина одной рукой удерживал хрупкое запястье, стиснув так, что назавтра непременно появятся синяки. Вторая его рука, задиравшая подол, застыла на полпути.

— Что здесь происходит? — выпалила я, подходя ближе.
— Мне позвать стражу?

Мерзавец быстро сориентировался. Отпустил дрожащую девушку, почти незаметным жестом пригладил подол. На лице его заиграла беспечная улыбка. Лет двадцать назад он, наверное, был красив, но теперь имел залысины надо лбом и глубокие заломы у рта, а шею драпировал до самого подбородка.

— Всё в порядке, мы с мисс Лиддл хорошие друзья. Ведь так, дорогая Конкордия? Развейте опасения своей подруги.
— Он сощурился, внимательно рассматривая меня. Взгляд был холодный, какой-то рыбий. — Смею полагать, она недавно при дворе, раз не знает, что Мортертоны славятся уважи-

тельным обхождением и безупречными манерами. Как и положено людям нашего круга.

Девушка умоляюще смотрела на меня. Её тёмные глаза зывали о помощи. Наверное, мужчина был сильно выше по положению, раз она не могла открыто сказать правду. Но было достаточно её напуганного вида, чтобы понять — никакой дружбой тут и не пахло.

— Сдаётся мне, что вы лжёте, — сказала я громко, не собираясь и двигаться с места, пока он здесь. — Оставьте её в покое, вы, гнусный!..

Я осеклась, услышав шаги. Кто-то вышел из беседки неподалёку и теперь стремительно приближался к нам. Лорд Мортертон тоже заметил и с досадой прикусил губу:

— Ах, её величество так расстаралась ради этого приёма. Почему же все бегут с него, как крысы с корабля? — ядовито пробормотал он.

Низкий голос из темноты ответил:

— Обязательно передам матери ваш вопрос, лорд Мортертон.

Мисс Лиддл по-детски схватила за щёки:

— Ох, нет!

Опомнившись, она вскочила на ноги и сделала торопливый реверанс. Я, как могла, повторила за ней, хотя и продолжала сверлить взглядом высокородного мерзавца. На слова из темноты он отреагировал тем, что побелел как молоко. Даже в синих сумерках стало заметно.

— Может, у вас есть и другие полезные соображения насчёт обустройства торжеств? Думаю, матушке будет крайне интересно послушать, — обладатель голоса приблизился к нам. Чёрно-белые одежды, высокий рост, красивое лицо с выразительными чертами. Я узнала того невоспитанного юношу, что нахамил мне у фонтана. Как там его?..

От тяжёлого взгляда молодого человека веяло морозом. Удивительно, что попавшие в поле зрения цветы не осыпались.

— Полноте, мой принц, — тут же залебезил лорд Мортертон. — Зачем беспокоить её величество такой безделицей?

Только хвоста не хватает, чтоб завилял.

Я скривилась. Вот же скользкий тип!..

Сосредоточенная на том, чтобы не дать лорду удрать, я осмысляла их речи медленнее обычного. А когда наконец осмыслила, пришлось схватиться за виноградные плети, чтобы удержаться на враз ослабевших ногах.

Мать моя!

Живой принц!

А какого ж рожна, господин принц, в твоём саду такие вещи происходят?!

— Мисс Лиддл, с вами всё в порядке? — Дождавшись неуверенного кивка, он сухо велел: — Возвращайтесь-ка в зал, танцы будут до полуночи.

Девчушку как ветром сдуло. Она так торопилась убраться, что запнулась и едва не расквасила нос.

— А вам, лорд Мортертон, стоит найти занятие по возрасту. — Он повернулся к мужчине и в упор посмотрел на него. Даже мне стало не по себе, в воздухе повисло чувство опасности. — В Жемчужной гостиной, говорят, идёт партия в бридж.

От фальшивой улыбки лорда скисло бы даже парное молоко:

— Премного благодарен за совет, мой принц. Я как раз искал, чем бы развлечься.

Отряхнув полы сюртука, он вцепился в трость с узорным набалдашником и отбыл, на прощание отвесив нам поклон. Принц ответил сдержанным кивком, я же не шелохнулась. В походе лорда чувствовалось раздражение, каблуки отчётливо стучали по камню.

— Почему вы его отпустили?

Тёмные брови дрогнули вверх. Принц всерьёз удивился тому, что к нему обращаются подобным образом.

— А что же мне было с ним делать? Завернуть в банты и подарить сиротам? — Тон его был безукоризненно вежлив, в отличие от слов.

— Хотя бы выгнать отсюда! Вы же видели, что он делал, разве нет?

Кажется, моё предложение здорово насмешило его высочество.

— Выгнать лорда Мортертон? — пробормотал он. — Внесу это в список вещей, которые нужно сделать сразу по-

сле коронации. С чего вы взяли, мисс, что можете мне указывать?

Он подошёл ближе, рассматривая моё лицо, скрытое тенью кустарников от света фонарей. Широкий разворот плеч перекрыл мне весь обзор. От этой близости стало не по себе. Но вместо того, чтобы стушеваться и опустить голову, я взглянула ему в глаза. Если на тебя надвигается сила, стань большей силой.

А ещё лучше — драпай со всех ног. Но мне и двинуться было некуда.

— Кто-то же должен взять на себя эту заботу, если вы сами делать выводы не в состоянии, — вырвалось раньше, чем я успела подумать, что и кому говорю.

«Ты с ума сошла! Извинись немедленно!» — заорало в голове.

Ах, если бы только я всегда слушала этот голос, что подсказывал такие правильные вещи...

Принц Каден разглядывал меня с таким выражением, словно наткнулся на говорящую мышь. Нечто ничтожное вдруг сумело вызвать его любопытство. Но всё ещё ничего не значило.

— Как думаете, мисс Конкордия Лиддл согласна с вами? — медленно спросил он. — Она бы пожелала, чтобы я заключил под стражу человека, во власти которого уничтожить всю её семью из одной лишь мести?

— Так лишите его этой власти. Вы же принц, чёрт возьми,

а не золотарь какой-то, — в сердцах выпалила я и прикусила язык.

От привычки чертыхаться было не так легко избавиться.

Молодой человек тихонько, по-обидному, рассмеялся:

— Откуда вы берёте эти прелестные идеи? Из книги сказок? Даже для короля сотворить такое проблематично.

Я не знала, что на это ответить. Потому что в моём воображении короли и правда были всемогущи. Способны ради одной прихоти перевернуть небо и землю, сделать буквально всё, что захочется. Это же король, его все слушаются! А принца слушаются все, кроме короля. Разве нет?..

Надув губы, совсем как ребёнок, я не пожелала признавать проигрыш:

— Ну и какой тогда смысл быть принцем?

— Хороший вопрос. Задам его брату, может, он в курсе, — помрачнев, ответил он. — Как ваше имя, мисс?

— Тея. Тея Блаунт.

— Что же, мисс Блаунт, вам тоже стоит вернуться к гостям. В полночь будут объявлены результаты отбора. — В его улыбке сквозило такое ехидство, что даже объяснения не требовались.

Мои шансы попасть в золотую дюжину меньше, чем у блохи стать главным казначеем.

Глядя, как он уходит, я испытала лёгкое разочарование. Пока принц стоял рядом, его присутствие давило и заставляло нервничать, но едва ушёл — одиночество огромного пар-

ка показалось тошным.

Глава 10

Я решила самую малость пройтись, чтобы поглазеть на развешанные в другой части сада фонарики цветного стекла. Этот уголок казался волшебным миром, а забредшие гости в зелёных и голубые отсветах — феями из старинных легенд.

О решении этом я ужасно пожалела, когда попыталась вернуться в зал через другие двери. Извилистые коридоры сыграли со мной злую штуку, водя за нос не хуже тех самых фей.

Попав в безлюдную часть дворца, я совсем растерялась и надеялась наткнуться хоть на чёртову леди Риц, лишь бы выбраться отсюда раньше, чем умру от старости. Стоило отчаиваться, как судьба сжалилась — из уходящего вбок тёмного коридора донеслись смутные звуки. Я без раздумий свернула туда и вошла в приоткрытые двери, стараясь не расшибить лоб в темноте.

А было обо что — комната оказалась длинным залом в самом разгаре ремонта. Сильный запах извёстки бил в нос, на строительных козлах вповалку лежали инструменты, частоколом теснились лестницы. В свете луны всё казалось немного ненастоящим, и зазвучавшее пение тоже будто вышло из сна.

Я слыхала девчонок, что неплохо поют, коротая время за шитьём или развлекая народ в трактирах. Но ни одна не пела

так.

Этот голос, чистый, как слеза, накатывал волнами и уносил за собой. Я не знала ни песню, ни язык, на котором она была, но почему-то в груди спёрло дыхание. Так красиво и так печально звучала мелодия, что хотелось плакать о всём несбывшемся.

Вцепившись в какую-то жердь, я стояла и слушала с открытым ртом, вспоминая про Уну, про оставленную дома мать, про подружек, ходивших с синяками после замужества. Мне казалось, что я слышу всех их и тысячи других женщин, испивших горя до дна.

Неловко двинувшись, я слишком сильно толкнула жердь — и та, со скрежетом прочертив по стене, рухнула на пол. Что-то посыпалось, зазвенело, раскатываясь. Пение смолкло.

Ругая себя последними словами, я вышла вперёд. Из-за баррикады досок и рулонов на меня смотрели напуганные глаза.

— Извините! — сказала я, поднимая руку. — Случайно зацепила, наделала шума. Вы так красиво поёте, вот и заслушалась.

Девушка медленно, словно сомневаясь, вышла к окну. В темноте все кошки серы, так что я толком и не разглядела, какая она. Чуть повыше меня, молодая, вроде. Глядит диковато и молчит, прячась за выпущенными из-под свёрнутой

венцом косы прядями.

Робкая она какая-то, но одета в пышное платье, не как прислуга, стискивает шарфик у шеи.

Я кашлянула, от её молчания чувствуя себя ещё более неловко:

— Вы же тоже из сотни, да? Уже скоро полночь, сказали, нужно возвращаться в зал.

Девушка, еле слышно прошелестела:

— Идёмте, — и проследовала к дверям.

Обрадованная, что наконец-то смогу выбраться из проклятого лабиринта коридоров, я двинулась за ней.

Попытки разговорить её провалились, девушка реагировала разве кивком или жестом, словно пение отняло у неё все звуки.

А когда я замешкалась у дверей Янтарной залы, отряхивая испачканную известью руку, вовсе исчезла, растворившись среди гостей быстрее, чем льдинка в кипятке.

Загадочная барышня, что и говорить.

Обычно меня раздражали люди, которые ведут себя так, будто тебя здесь нет, но её пение всё ещё звучало в каком-то потаённом уголке души, и злиться не выходило.

Я вернулась в балльную залу как раз в тот момент, когда между танцами устроили небольшой перерыв. Тут и там сновали стюарды, разнося хрустальные фужеры с шампанским и креманки, заполненные ягодами в ледяной крошке. Почему бы не взять и того, и другого? Кисло-сладкий напиток по-

щипывал язык весёлыми пузырьками, от него в голове стало легко, будто все тревоги сдуло ветром. Совсем не похоже на брагу, которую у нас гонят.

Я вдруг почувствовала на себе пристальный взгляд и повернулась. Ба, знакомое лицо! Леди Риц, окружённую небольшой, но заметной и громкой компанией, явно заинтересовало моё платье. Сама она была одета куда роскошнее, в шёлк цвета крови, покрытый чёрным кружевом, с такой пышной юбкой, что никто не смог бы её обнять при всём желании. Бриллианты капельками сверкали даже на искусственных розах в каштановых волосах. Смугловатая кожа теперь казалась светлее, румянец был слишком ярок для настоящего. Если днём леди Риц выглядела просто красивой, то вечером сверкала, как звезда.

Заметив, что я смотрю, она улыбнулась и сделала ручкой. В улыбке этой совсем не было сердечности.

Я пожала плечами. Разбираться, что там у кого в голове, было скучно.

Здесь все глазели по сторонам, нет-нет, да и зацепят взглядом. Кто с любопытством, кто с недоумением.

Моя незатейливая причёска сильно выделялась на фоне завитых локонов, блестящих многоярусных кос и сооружений из цветов. Мимо с крайне сосредоточенным выражением лица проплыла дама с маленьким корабликом, вплетённым в пышно взбитые волосы. Я даже рот раскрыла при виде такого чуда. И едва не последовала за ней, в надежде увидеть

кораблекрушение.

Засмотревшись, легко было упустить начало чужой ссоры.

За колоннами, у которых я остановилась, стайка девушек обступила одну. Не узнать её было невозможно, этот хвост так просто не забудешь.

— Какой любопытный у вас фасон юбки, мисс. Это где же такое носят, позвольте узнать? — спросила бледная моль, что днём сравнивала меня с учёной обезьяной. Она обрядилась в зелёное и выглядела так, будто страдает от хронического несварения.

— Должно быть, в стране дурновкусия, — подхватила подруга с остреньким крысиным личиком.

Они гаденько захихикали. Да и остальные, кавалеры и дамы вперемешку, тоже не прятали язвительных улыбочек.

На той, что стала мишенью их остроумия, лица не было. Она всё порывалась что-то сказать, но её перебивали, стоило лишь начать.

Переспорить толпу, подумала я. Безнадёжно. Эти крысы будут грызть, пока не надоест. Тут либо драться, если достаточно безумна, либо сбегать.

Безумной девушка не выглядела, а вот несчастной — очень даже. Это не осталось незамеченным.

— Что с вашим лицом, мисс? Неужели аллергия на душистую воду? Вы поэтому ею не пользуетесь?

— Только не плачьте, умоляю. Если ваши глаза покраснеют ещё больше, вас примут за свинку.

— Вот тупица, — пробормотала я, крепче сжимая опустевший бокал, — сразу ясно — ни одной хрюшки в жизни не видела.

Стоявший сбоку от меня человек пошевелился в тени колонны. Услышал, кажется... Ну и чёрт с ним.

— Давайте сделаем доброе дело? Избавим мисс от её позорного убожества.

Самая активная из крыс вдруг дёрнула ткань юбки, заливаясь визгливым смехом. Хвостатая отступила. Испуганное лицо, прежде красневшее от неловкости и стыда, теперь стремительно бледнело.

— Оставьте меня! Что я вам сделала? — со слезами на глазах спрашивала она, но надломленный голос тонул в шуме праздника.

Среди окружавших её злопыхателей я заметила Лиззи и Мэриэнн. Радостными они не выглядели, но только опускали глаза, вздыхали и поправляли перчатки, вместо того, чтобы помочь.

Моё намерение больше не лезть в чужие разборки таяло, как ягодный лёд в креманке. Я оглядывалась, в надежде, что сейчас кто-то из старших леди или лордов наведёт порядок и поставит на место этих...

— Ай!

Раздался треск ткани. Одна из оборок на юбке грустно повисла, едва не касаясь пола. Хвостатая в ужасе уставилась на испорченное платье.

— Смените вашу модистку, — бросила моль, препоганейше усмехаясь. — Эта не только слепая, но ещё и берёт дрянные нитки.

Не выдержав, я впихнула свою креманку в руки того мужчины, что отирался у колонны:

— Подержите-ка.

— Что?.. — Он опешил, но послушно прижал креманку к груди, рискуя испачкать жилет.

Полыхая от злости, я вступила в круг, намеренно пихнув бледную моль плечом посильнее.

— Ах! — воскликнула она, потирая ушибленное место. — Что за манеры, будьте поаккуратнее!

Все уставились на меня, как на какое-то светопреставление. Пытаясь держать себя в руках, я схватила заплаканную девушку за запястье.

— Идёмте. Нечего тратить время на этих.

— На «этих»?! — Моль аж задохнулась. Она обвела взглядом свою компанию, призывая вместе повозмущаться моей наглости. — Да у моего отца земельный надел в тысячу акров! Сколько же у вашего, раз вы так бросаетесь словами?

Я мрачно хмыкнула:

— Пара футов надётся. Только вглубь.

Сцапав хвостатую, я нацелилась уйти, но дорогу заступили.

— Вы нас оскорбили, мисс, — заявила фифа с крысиным личиком, обмахиваясь веером.

— Ха. Ну так вызови меня на дуэль. Или что тут у вас принято делать? С удовольствием надаю по твоей уродской роже.

Та вытаращила глаза и отшатнулась. Остальные зашеле-стели подолами и расступились, давая пройти.

Не знаю, рискнул ли кто вякнуть вслед, но меня не достигло ни слова.

Спасённая девица всё шмыгала носом.

— С... С... Спасибо. Т-только не бейте меня, пожалуйста-ста...

Я чуть не засмеялась. Даже в глазах той, кому помогла, выгляжу так страшно?

— Не собираюсь я вас бить, что за глупости? — пробурчала я. — Почему они вообще на вас накинулись?

Девушка судорожно вздохнула, утирая глаза батистовым платочком.

— Просто сказала, что мечтаю пройти отбор. А они сразу клевать начали... Как будто кто-то здесь по другой причине! Просто у меня не так много денег, мои родители всего лишь владельцы пары лавок с тканями. Но это же не значит, что можно вот так... — Глаза девушки снова наполнились слезами, когда она заметила, в каком состоянии платье. Подхватив волочащуюся оборку, она взметалась: — Мне нужно найти кого-то с иглой, срочно! Вот-вот результаты объявят, а я в таком виде!

Даже не попрощавшись, она сорвалась с места и стала

пробиваться к выходу. Опустив руки, я проводила её взглядом. Поджилки мои всё ещё немного дрожали, остывали после вспышки злости, затмившей разум настолько, что я правда была готова наkostenять этим дворяночкам.

У хвостатой было кольцо со сверкающими солнечными камушками. Платье из блестящей парчи и тафты. Тонкие перчатки и кольца на каждом пальце поверх.

Если к ней отнеслись как к какой-то побирушке, то что думают обо мне?

Кулаки сжались сами собой.

Враждебность зала ощущалась самой кожей, хотя никто ко мне не подходил, чтобы высказать оценку. Но если это вдруг произойдёт — я не дам себя унижить.

— Неплохо справились, — вдруг раздался приятный голос почти над ухом.

Чуть не взвизгнув от неожиданности, я обернулась. Одетый в белое с голубым юноша, что сегодня не дал мне свалиться в фонтан. Брат принца... То есть, поправились я, он и сам принц, принц Ансель. В вечернем свете его тонкие черты казались мягче и притягивали взгляд, одежда шла к золотистым волосам и делала глаза яркими, как море. Он быстро посмотрел по сторонам и неожиданно подмигнул, расплывшись в лукавой улыбке. А потом, будто ничего не произошло, скрылся между гостями.

Здесь все странные, подумала я, чувствуя, как предательски горят щёки. Абсолютно все.

Сердце колотилось слишком быстро, как пойманная в силки птичка. «Тихо ты, — велела я мысленно. — Принцы не для нас с тобой».

Оставшись одна, я вдруг вспомнила про креманку, оставленную на хранение. Но того мужчины и след простыл, а лицо его я не помнила. Вот гад, упёр мой лёд. Охладиться бы точно не помешало.

Я хотела раздобыть ещё порцию, но стюарды как сквозь землю провалились.

Следом стихла музыка.

На возвышение у каминов вышел распорядитель, светясь от торжественности момента, и возвестил:

— Леди и лорды, дамы и господа! На часах полночь — время объявить список претенденток, одобренных высочайшей королевской комиссией!

Глава 11

— Двенадцать девушек, отобранных со всей тщательностью, поборются за сердце наследного принца Кадена. — Меня ужасно веселило то, как распорядитель набирал воздуха в грудь перед каждой фразой. Говорить так, чтобы слышала вся огромная зала, вероятно, не так уж просто. — Две финалистки получают право стать фрейлинами, но победительница возможна только одна. Прошу вашего внимания: её величество королева Гвеневёр.

Вперёд вышла королева. Ещё не старая, величавая женщина с идеально ровной спиной гордо несла голову. Глядя на неё тоже хотелось выпрямиться.

Позади, в богато украшенном кресле остался сам король, а по бокам расположились оба принца. Они словно сговорились: один в белом, другой в чёрном. И со столь же контрастным настроением.

— Сегодняшний день — праздник для нас всех. Сердце матери не может остаться равнодушным, когда речь идёт о счастье сына. — Она с лёгкой улыбкой кивнула сидевшему по правую руку принцу Кадену. Тот разве что глаза не закатил, вызвав своею мрачностью обсуждения по всему залу. Но королева даже ухом не повела. То ли привыкла, то ли выдержка у неё была, что надо. Она продолжила, как ни в чём не бывало: — Как и сердце королевы не может остаться в

безучастности, заботясь о будущем подданных. Ведь каждая из девушек, чьё имя прозвучит под сводами этого зала сегодня, получит шанс стать не только супругой моего старшего сына, но и сменит однажды меня на престоле в качестве королевы Мерсии. Рада представить вам их, двенадцать лучших из лучших. — Королева Гвеневер сделала умышленную паузу и обвела зал блестящими глазами. — Золотую дюжину.

Тишина наступила такая, что стало слышно, как надрываются за окнами сверчки и трещат фитили свечей. Проникнувшись моментом, даже я немножко заволновалась. Об этом будут говорить во всех уголках королевства, писать в газетах, обсуждать на рынках. А я — здесь и сейчас — увижу всё своими глазами.

Королева сверилась со списком на крохотном старомодном свитке и провозгласила:

— Леди Шарлотта Риц, герцогиня Бантрийская, герцогиня Арклоу, графиня Нейс.

Вместо четырёх к подножию королевского возвышения неторопливо подплыла лишь одна девушка. С таким видом, будто иначе и быть не могло. Самодовольная улыбка не испортила красивого лица леди Риц, к моей досаде. Она была хороша — и знала это.

С достоинством встретив реверанс от первой из двенадцати, королева перешла ко второй:

— Леди Арета Кроули, герцогиня Говенморн, герцогиня

Пэссидж, графиня Бридж, графиня Уолверик.

И снова вместо озвученной толпы вперёд вышла лишь одна. Несмотря на довольно высокий рост, девушка двигалась очень легко и с большим достоинством. С такой прямой осанкой, словно жердь проглотила. Ослепительно белокожая, в своём синем платье она казалась вырезанной из мрамора статуэткой. Тяжёлый узел светлых волос оттягивал голову назад. На точёном лице не было ни тени чувства, даже попадание в золотую дюжину не заставило её выказать радость или потрясение.

Я вспомнила, что уже сталкивалась с ней в зале. Кажется, тогда ей очень не понравилась резвушка мисс Лиддл.

— Леди Аннелиз Фицуильям, графиня Кэрдолк.

До меня наконец дошло, что цепочки титулов после имени к этому имени и относятся. Родовитость первых двух леди, наверное, не уступает королевской.

При объявлении леди Фицуильям люди вдруг заволновались много сильнее прежнего. Если первые кандидатки были встречены с молчаливым одобрением, то сейчас шепоткам и удивлённым взглядам не было конца, в общем тоне наметилось возмущение. «Какой афронт! — донеслось от морщинистой дамы слева. — Неужели в наше время деньги значат больше, чем репутация!» Я не знала, что такое «афронт», но едва ли что-то хорошее.

Игнорируя жужжание, озвученная леди танцующей походкой оставила сплетников позади и встала рядом с сопер-

ницами. На неё было приятно смотреть: в молочном, усыпанном цветами платье, она казалась самым воплощением любви. Фигуристая, с персиковой кожей и романтическими локонами цвета мёда, леди Фицуильям странно контрастировала с леди Кроули, словно весну и зиму поставили рядом.

Последняя не удостоила её и взглядом.

Леди Риц же давила крохотную усмешку, будто ей было известно что-то, недоступное другим.

— Леди Диана Эдельбри, герцогиня Фор, графиня Рауншир, графиня Лейвор.

Какое-то тёплое чувство охватило меня при виде леди Эдельбри, пробирающейся вперёд. Что удивительно, оно отражалось и на лицах некоторых окружающих. Впрочем, иные смотрели ей вслед с нескрываемой насмешкой.

Сама же леди Эдельбри приветливо улыбнулась королевской семье и соперницам, занимая своё место. Она выглядела самой хрупкой, до болезненности, но щёки её розовели лепестками шиповника, под цвет платья, а из глаз не уходила спокойная улыбка. Такую королеву полюбит народ: открытую, с добрым сердцем и вниманием к страждущим.

Я бы пожелала ей победы, но брак с принцем Каденом... Не уверена, что подобное испытание сделает её счастливой.

— Мисс Конкордия Лиддл.

Ничего себе! От мысли, что сегодня я могла выручить из беды не кого-нибудь, а будущую королеву, стало смешно до хрюков. Я поспешила прикрыть рот. Наверное, это от нежиз-

данности... Слишком уж сказочно для меня.

Титулов не последовало. Неужели она простолюдинка?..

С запозданием вспомнилось про квоты сословий. По правде говоря, я думала, что это одно из тех правил, что придуманы для красоты — но никогда не соблюдаются.

Впрочем, платье мисс Лиддл так сверкало крупными камнями и золотой нитью, что отнести её к простому народу было сложно. Совсем юная девчушка не скрывала радости от того, что прошла отбор. Она сияла улыбкой во всё лицо и даже слегка подпрыгивала по пути, от чего её золотистые пряди так и вспархивали в воздух.

Её кандидатуру обсуждали без особого удивления, хотя и с долей снисходительного пренебрежения.

— Такая непосредственность... Милый ребёнок, — пробормотала всё та же морщинистая дама.

— Будь у моей семьи золотые прииски, я бы тоже вёл себя раскованнее, — надменно отозвался её сосед.

Когда мисс Лиддл заняла своё место, королева чуть сощурилась, читая очередное имя. На долю секунды пала маска незыблемого спокойствия, обнажив удивление.

— Мисс Меридитт Огилви.

Кто-то позади меня ахнул в голос. Шум поднялся такой, что ушам стало щекотно. Все толкались и чуть ли не на головы друг другу лезли, чтобы увидеть мисс Огилви. Не королевский дворец, а какие-то гуляния на площади!

Заразившись общим духом, я тоже привстала на цыпочки,

высматривая, что за особа всех так взволновала. Может, у неё горб? Или пиратская нога?

Увидев мисс Огилви, я даже немного разочаровалась. Ноги у этой невысокой девушки были самые обычные — во всяком случае, деревянного стука по полу я не слышала.

На фоне остальных претенденток она смотрелась бы блёкло, не будь у неё ярко-рыжих локонов, огненной волной свободно струящихся по плечам.

Девушка застенчиво жалась, опустив глаза, волосы занавешивали лицо почти полностью. Она теребила бисерный пояс, обнимавший талию изумрудно-зелёного платья, явно испытывая неудобство от такого внимания.

Несмотря на молодость, шея её была задрапирована лёгким шарфиком, как у старухи. И только когда я увидела приметные вышитые концы — только тогда в голове щёлкнуло. Это она та певица, что вывела меня к залу! Только успела зачем-то разрушить причёску.

Появление мисс Огилви нарушило ход церемонии. Следующие претендентки не получили и сотой доли того внимания, что предыдущие — все обсуждали рыжеволосую девушку, которая так и стояла с опущенной головой.

Ещё пять девушек заняли свои места возле королевской семьи. Прислушиваясь к разговорам и пытаясь уловить причину волнений, я упустила даже их имена. К тому же, меня не покидала надежда отыскать в толпе какого-нибудь заблудившегося стюарда с подносом.

Тем временем, младший принц кивал и сердечно улыбался девушкам. Он приветствовал каждую так, будто испытывает неподдельную радость от встречи.

Старший делал вид, что его здесь нет.

Разве не наоборот должно быть?

Я прыснула, представив, как мисс Конкордия Лиддл бежит по всему дворцу в поисках, пока муж прячется от неё под парадной лестницей и пьёт бренди из горла. Наверное, ему больше подойдёт леди Кроули: будут задира́ть нос по очереди.

— Интересно, она вообще дышит? — пробормотала я, когда очередная участница была встречена ею с тем же вниманием, которым была бы удостоена вошь.

Мужчина, что стоял чуть позади, услышал и склонился к моему плечу:

— Кто знает. Некоторые всерьёз уверены, что леди Кроули спит в хрустальном гробу.

Я фыркнула и хотела ответить, но тут королева добралась до последнего имени в списке, и мужчина приложил палец к губам.

Это был тот самый человек, что исчез с моим десертом, русоголовый живчик в атласном жилете. Но сейчас руки у него были пусты.

— И последняя в списке претенденток, но, разумеется, не последняя по значению, ведь все в золотой дюжине равны между собой... — произнесла королева торжественно. Я

оценила то, как она сумела произнести этот вздор без тени усмешки. — Мисс Тея Блаунт.

Я вытянула шею, высматривая последнюю кандидатку. И только спустя секунду слова достигли разума и взорвались в нём.

Попятившись, я во все глаза смотрела на королеву.

Она ошиблась.

Или кто-то другой, кто составлял список.

А отвечать за это придётся мне.

Шло мгновение, другое. Люди переглядывались, ожидая, когда никому не известная Тея Блаунт явит себя.

На негнущихся ногах я поковыляла вперёд, боясь, что запнусь на ровном месте. Вслед потянулся шлейф сухих перешёптываний, как шелест крыльев тысячи стрекоз. Ничего не видя и ни слова не разбирая от потрясения, я встала в ряд. В ушах бешено колотилось сердце, пересохшее горло требовало воды.

Сбоку оказалась чёртова леди Риц. Её красные губы сложились в хищную ухмылку:

— Какое любопытное на вас платье, мисс Блаунт. Кажется, где-то я его уже видела.

Глава 12

Ещё вчера я думала, что проведу эту ночь в дороге, возвращаясь домой. Назад, к скрипучим половицам и сквознякам, к чёрствым коркам и неизбывному запаху плесени. Но сегодня вместо вонючего почтового экипажа вокруг были роскошные покои. Не знаю, как тут в своём уме удержаться — и не уверена, что смогла.

Неужели они всегда спят на таких кроватях?

Почему-то взбитая в мягкое облако перина поразила сильнее фарфоровых статуэток и шёлковых занавесей. Я плюхнулась на кровать прямо в платье, рискуя его измять. И теперь нежилась, словно кошка в солнечных лучах, глядя, как танцуют язычки десятка свечей.

Сразу после оглашения списка вечер закончился. Претенденток сопровождали по комнатам, уводя прочь от завистников и газетчиков. Потянувшись как следует, я перекатилась на живот. Нехорошая усмешка леди Риц всё не давала покоя.

В голове всплыл момент, когда я рылась в чужом шкафу. Тот мужчина... Он искал какую-то Шарлотту.

Дьявол! Я села, подобрав ноги. Она же Шарлотта! Леди Шарлотта Риц, так её!

С досады я пихнула кулаком подушку. Это ж надо было, стащить платье у той, кому без лишней надобности лучше вообще на глаза не попадаться.

Надо вернуть на место. Если завтра покажусь в нём, молчать эта дамочка не станет. Не хотелось бы вылететь отсюда с клеймом воровки или ещё хуже — отправиться за решётку.

Платье горничной я сохранила днём, спрятав в одной из ваз, и после того, как шаги провожатых стихли, сбегала за ним. Теперь оно лежало неаккуратным комком, смятое и серое, как вся моя предыдущая жизнь. Переодевшись, я не могла отделаться от ощущения, что надеваю его в последний раз. Наверное, мне просто не хотелось возвращаться к прежнему так сильно, что назрела готовность расстаться с воспоминаниями о нём.

Я выскользнула в коридор, тихо притворив за собой дверь. Дворец не был окутан ночным безмолвием, но будто затаился. Быстро перебирая ногами, я кралась вдоль стен, увешанных гобеленами и зеркалами. Коридоры были темны, лишь там давая осмотреться, где падал сквозь окно лунный свет.

Узкий коридор, что вёл к покоям леди Риц, изгибался несколько раз. Я уже преодолела последний поворот и вдруг услышала, как открывается дверь.

Да кому там неймётся!

Я заметалась в панике. По наряду-то примут за горничную, но вот платье в руках может вызвать вопросы. И спрятать некуда, чёрт!

Метнулась за угол, надеясь, что полуночник свернёт в другую сторону. Но судьба решила, что хватит мне сегодня подыгрывать.

— Боже! — воскликнула женщина, шарахаясь. — Кто здесь?

Пламя её свечи заплясало, едва не погаснув. Этого света хватало, чтобы разглядеть, что прогулками по ночам занимаюсь не только я, но и сама леди Риц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.